

Репрезентативная культура современного российского студенчества

Виктор Филоненко

Доктор социологических наук, профессор Института философии и социально-политических наук,
директор Центра социально-политических исследований Южного федерального университета

Адрес: пер. Днепровский, д. 116, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация 344065
E-mail: vfilonenko@sfedu.ru

Людмила Штомпель

Доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики
Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета
Адрес: пер. Днепровский, д. 116, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация 344065
E-mail: lashtompel@sfedu.ru

Олег Штомпель

Доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики
Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета
Адрес: пер. Днепровский, д. 116, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация 344065
E-mail: omshtompel@sfedu.ru

В статье ставится задача, во-первых, определить адекватную современным реалиям методологию социологического анализа культуры и, во-вторых, зафиксировать на данной методологической основе специфику культуры современного российского студенчества в транзитивном, переходном социуме. Утверждается, что становление инновационного общества в глобальном масштабе приводит к перманентному разрушению старых и одновременно возникновению новых социокультурных форм, в результате чего культура становится прежде всего не «охранительницей устоев», а активной «бродильной» силой социума. В данных нелинейных процессах особую значимость приобретает субъективная культура. Проводится анализ моностилизма и полистиализма студенческой репрезентативной культуры, основанный на идеях Ф. Тенбрука. Зафиксировано, что данные процессы репрезентации носят противоречивый и гибридный характер. Ценности постматериалистического плана (самостоятельность, индивидуальность, свобода), высоко ценимые студенческой молодёжью, репрезентируются прежде всего в сфере досуга и свободного времяпрепровождения. Представленная типология жизненных стилей студентов в области учебной деятельности («профессионалы», «ритуалисты», «общественники» и «конформисты») фиксирует преимущественно приспособленческую стратегию поведения, основанную на принятии патерналистского отношения со стороны администрации и профессорско-преподавательского состава вузов. Статья основана на материалах авторского межрегионального социологического исследования, проводившегося в 2006–2011–2016 годах в Южном федеральном округе.

Ключевые слова: студенчество, репрезентативная культура, моностилизм и полистилизм, типология стилей жизни

© Филоненко В. И., 2018

© Штомпель Л. А., 2018

© Штомпель О. М., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-221-239

Для любого социума, находящегося в состоянии транзита, проблема молодёжи, её социокультурного статуса приобретает особое значение. Ибо характер и направленность социализации и развитие молодого поколения во многом обрисовывают пути становления нового общества. В первую очередь это касается учащихся вузов, из рядов которых рекрутируется управленческая, интеллектуальная, политическая элита страны. Однако в транзитивном социуме перед российскими студентами возникает целый ряд проблем, фиксируемых социологами (Горшков, 2016; Тишков, Бараш, Степанов, 2017; Смолин, 2015). В современной социологической и психологической литературе с различных методологических позиций исследуются процессы перехода молодых людей к взрослому состоянию. Социализация молодого поколения в современной России осуществляется в рамках целого ряда моделей взаимодействия власти, государства и молодежи — патриархальной, социалистической, смешанной, либерально-консервативной, плюралистической. При этом более чем в половине субъектов РФ преобладает патриархальная модель молодёжной политики, что ведёт к возникновению соответствующей системы ценностей в сознании молодых людей (Капустина, 2014). Данная ситуация отражает переходный характер развития нашего общества, когда элементы патернализма и контроля сочетаются с достаточно широкими возможностями личностного выбора. Студенчество рассматривается нами как социально-демографическая группа, чья возрастная транзиция содергит процессы социокультурного воспроизведения, инновации и трансляции (Чупров, 1994).

В связи с увеличением продолжительности социальной транзиции, изменениями механизма передачи социального опыта, переходным состоянием общества и самого молодого человека риск становится характеристикой не только социума, но и самого индивида. Разнонаправленность развития молодёжи связана с действием рискогенных факторов, социокультурными особенностями молодёжи, трансформацией общества, происходящей на наших глазах (Зубок, Чупров, 2017).

Тем самым нелинейный характер инновационного общественного развития неизбежно приводит к мысли о необходимости использования методологических установок неклассического типа, где социальные структуры и культурная динамика субъектов индивидуального действия рассматриваются с позиций принципа дополнительности, или, точнее, комплементарности. Поэтому основная задача данной статьи — зафиксировать основные репрезентативные моменты современной студенческой культуры на основе определения специфики аналитического подхода к изучению взаимодействия социального и культурного¹.

1. Эмпирической основой настоящей статьи послужили результаты мониторингового межрегионального социологического исследования «Противоречия и парадоксы социализации студенческой молодежи в условиях транзитивности современного российского общества», проведенного Центром социально-политических исследований Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (научный руководитель — д.соц.н. В. И. Филоненко) в 2006–2011–2016 годах. Всего в 2016 году было опрошено 4387 студентов очной формы обучения и 1122 эксперта-преподавателя из 23 вузов/филиалов пяти регионов ЮФО и 4 федеральных университетов. Метод исследования — анкетирование.

Социум втягивается в особую фазу развития, одной из характеристик которой становится всеобщая инновизация, отсюда и возникновение в теоретическом дискурсе нового термина — «инновационное общество». Современная индустриальная система, основывающаяся на инновациях, является новым выражением локальной и глобальной динамики. Само экономическое развитие порождает движение общества от традиционных ценностей к ценностям индивидуализации и самовыражения, что дает мощный толчок к инновизации сознания и культуры (Инглхарт, Вельцель, 2011).

В культуре инновационного социума перестают действовать социокультурные системы, жестко детерминирующие жизнедеятельность индивида. Общество «виртуализируется», институциональные связи «размываются» (Иванов, 2002). Человек в этих условиях перестает быть лишь элементом социальной структуры и получает большую степень свободы в выборе индивидуальной траектории развития. В связи с этим усиливается роль культуры, которая из «охранительницы устоев» превращается в активный фактор социокультурного формообразования и обновления. Соответственно, возрастает и значимость духовного мира личности в социальной, политической и экономической динамике. Недаром в современных экономических исследованиях происходит отказ от концепции «экономического человека» и переход к моделям человека «исторического», «психологического», «культурного» и т. п. (Лурье, 2009; Марущак, 2017; Капельюшников, 2013; Смит, 2005).

Цивилизационный сдвиг в глобальном развитии свидетельствует в первую очередь о том, что современная культура переориентировалась на перманентное обновление, на ценности инновационного развития. При этом «инновационный транс», в который погружается мир, демонстрирует наступление «эры кризисов», связанных с ускорением социокультурного развития, все усложняющейся дифференциацией, непрерывной инновацией различных сфер жизни общества — в результате утрачивается тождество человека с самим собой и единство социума.

Таким образом, современное общество, где базовым социокультурным механизмом производства и трансляции культуры оказывается не традиция, а инновация во всех сферах жизнедеятельности человека, находится в состоянии бесконечной «гонки за новизной», в результате чего ситуация становится вполне адекватной диалектической формуле: «старое отживает, но еще не отжило, а новое возникает, но еще не возникло». Иначе говоря, социум конца XX — начала XXI века является перманентно кризисным, переходным, транзитивным и все более рискогенным. Непрерывный процесс разрушения господствовавших в обществе старых, давно апробированных социальных практик, технологий, культурных норм, правил и способов поведения сопровождается возникновением новых, что неизбежно приводит к изменению онтологического статуса культуры как активного «бродильного элемента» социума.

Методология исследования

Вышеобозначенные обстоятельства объясняют, почему в фокусе методологических поисков в гуманитарных науках находятся не «акультурные», а «культурные» теории (Taylor, 1992). Ещё М. Вебер писал, что «трансцендентальной предпосылкой» всех наук о культуре выступает представление о том, что мы сами «являемся людьми» культуры, то есть можем придавать смысл окружающему миру и занимать определённую позицию по отношению к нему (Вебер, 1990: 379). Отсюда столь важное значение имеет субъективная культура индивида, для которого восприятие самого себя и своего образа жизни оказывается своеобразным «волшебным кристаллом», сквозь который проецируются на общество и реальные социальные действия и личностный образ мысли (Berry et al., 2002).

Ведь реальные действия людей зависят от истолкования действительности, формы которых им предоставляет культура. Какими бы ни были их материальные и нематериальные интересы, с одной стороны, и социальные институты и контроль — с другой, действия людей будут обусловлены интерпретацией ими действительности (Тенбрук, 2013).

Ф. Тенбрук в своей концепции репрезентативной культуры показал, что культура есть социальный факт, поскольку её ценности, идеи, интерпретации лежат в основе социальных действий и активно или пассивно признаются членами данного сообщества. Недействующей, т. е. нерепрезентируемой в социуме культуры не существует. Именно репрезентация (в различных стилях жизни, способах конструирования социальной действительности, характере действия социальных институтов и т. д.) играет роль основного механизма структурированности и развития, статики и динамики любой культуры.

Как отмечает А. В. Комаровский, одним из ключевых свойств репрезентативной культуры выступает «инновативность (культура включает как статичные, устойчивые, так и динамические образования, открытые для изменений)» (Комаровский, 2014: 76).

Репрезентативность многомерна, другими словами, любое событие, факт социальной жизни, действие репрезентируются двойственным образом: в качестве реального элемента социальной действительности и одновременно посредством субъективной интерпретации, смысловой оценки его со стороны индивида. Собственно, превращение человека в субъект возможно благодаря превращению мира в картину: для представляющего субъекта «само мышление стало представлением, устанавливающим отношение к представляемому» (Микешина, 2007: 111). Представляемая картина мира, всей социальной действительности и каждого её элемента, становится «интерпретируемой репрезентацией» мира. При этом приятие (или неприятие) тех или иных «сюжетов», тех или иных нововведений, культурных практик, ориентаций, стилей и образцов поведения и т. п. само по себе выступает репрезентантом культуры тех, кто их в той или иной форме одобряет или отвергает. Фиксация данного обстоятельства обязывает исследователей пере-

направить исследовательскую оптику с описательного уровня различных проявлений студенческой культуры на то, что любая социальная практика, новшество или рутинное действие должны быть описаны и проинтерпретированы не только с точки зрения их влияния на индивида, но выступать показателем развития самого человека, его субъектности: то, что мы реально принимаем (или отвергаем), говорит о нас больше, чем наши оценочные суждения.

В современной социологической литературе понятие репрезентативной культуры связано с моностилизмом и полистилизмом различных культурных систем (Ионин, 2000). Именно в определении жизненного стиля как «устойчивой тождественности форм» внутренних интенций индивида и внешних их проявлений фиксируется активное или пассивное принятие способов понимания, интерпретации, оценок явлений и процессов в рамках определённой социальной группы или общества в целом. Эти относительно устойчивые формы жизнедеятельности отражают личностные особенности людей (понимание ими других акторов, своего места в социальной структуре и т. д.) и одновременно выступают средством манифестиации себя в глазах «других». Так что известную максиму «стиль — это человек» следует дополнить словами «а также кем он выглядит в глазах окружающих».

В западной социологической мысли категория «стиль жизни» иногда отождествляется с термином «образ жизни» (Рощина, 2007: 135), однако чаще противопоставляется ему как «индивидуальное», в отличие от «жёстко» детерминированного (Miles, 2000). В постклассический период развития социологии, в том числе в рамках микросоциологии, данное понятие определялось как некоторая целостность устойчиво воспроизводимых образцов поведения (Тоффлер, 2002; Масленцева, 2010). Такое понимание позволяет отойти от ограничений структурно-функционального анализа в исследовании транзитивного, инновационного социума. Данное обстоятельство осмысляется в теориях индивидуализированного общества, где концептуализация стилей жизни даёт возможность не ограничиваться макро-социальными факторами, а исходить из представления об индивиде, его склонностях, потребительском поведении, жизненном выборе (DiMaggio, 1994: 458).

Э. Гидденс, основываясь на положениях своей теории структурации, акцентирует внимание в понимании жизненного стиля на нравственной доминанте (Giddens, 1991).

В целом в западной социологии начиная с конца XX века доминирует представление о человеческом «Я», в котором заложено стремление к самоактуализации, что оказывает влияние на теорию стиля жизни (Smith, 1994). Особое внимание обращалось на стилевые особенности повседневного поведения людей (Chaney, 1996).

Большой и разнообразный материал по повседневным транзакциям современной российской молодёжи и различным стилям поведения в области труда и в сфере отдыха содержится в работах В. И. Ильина и его школы (Ильин, 2007).

В ходе многолетних дискуссий, проходивших в рамках социологии молодёжи, был сделан вывод о том, что современные молодые люди строят свои жизненные

стратегии и стили поведения независимо от жёстких социальных структур. Так, институт высшего образования теряет в глазах студентов исключительную направленность на профессионализацию, а природа «взрослости» становится всё более проблематичной (Омельченко, 2005). «Стиль жизни студентов» является понятием, фиксирующим прежде всего активный характер взаимодействия человека с окружающим миром и с самим собой: «Стиль является важнейшей формой самоструктурирования культуры, конституируя и онтологизируя такие смыслы, как индивидуальность, национальная культура, групповая субкультура, культурно-историческая эпоха. Каждая культура представлена стилевой системой с определенным соотношением индивидуальных, групповых, общекультурных стилей как различных социокультурных идентичностей, проявляющих человеческие ритмы и границы социокультурного процесса» (Устюгова, 2006: 244). Именно стиль жизни демонстрирует «бесшовность» соединения социального и культурного, внешних материальных обстоятельств и внутренних духовных интенций индивида. Мы согласны, что «теоретическая и практическая ценность категории „стиль жизни“ обусловлена тем, что она дает целостную картину жизни индивидов в определенных конкретно-исторических условиях, раскрывает макросоциальные закономерности на уровне их проявления в жизнедеятельности людей, тем самым делает возможным переходы от проблематики общества к проблематике личности и наоборот» (Киселев, 2013: 66). Таким образом, стиль жизни является социокультурной формой повседневного поведения индивида, возникающей в ходе его самореализации и свободного выбора.

В демократическом обществе, в отличие от тоталитарного, стилевая дифференциация усложняется, поскольку выбор жизненного стиля или стиля жизни как устойчивой формы индивидуального поведения осуществляется в ходе свободного, а не навязанного различными методами (в том числе и принудительно-силовыми) личного решения. В обществах же транзитивного типа, вследствие разрушения единой программы социализации молодёжи, запускается механизм хаотизации стилей жизни, в результате чего формируются гибридные или противоречивые в своей основе способы презентации культуры в жизнедеятельности прежде всего молодого поколения. В первом приближении можно согласиться со следующим положением:

Анализ стилей жизни, функционирующих в современном российском обществе, показал, что среди представителей поколения «отцов» преобладает выбор традиционного стиля жизни, который обусловлен приоритетом семейных ценностей, профессиональной деятельности со стабильным заработком, ориентации на простую жизнь, идущую равномерно и упорядоченно, с акцентом на выполнение долга. В шкале ценностей современной российской молодежи одну из приоритетных позиций занимают установки на самореализацию и индивидуализм, а также гедонистические образы действий, которые определяют направленность на индивидуалистический стиль жизни. По отношению к общественно активному стилю жизни в обоих поколениях не наблюдается четко выраженных предпочтений. (Зимина, 2006: 15)

Хотя студенчество и рассматривается современными исследователями как динамически развивающаяся группа, однако следует иметь в виду, что эта группа является транзитной: человек попадает в неё и через определенное время покидает. Конечно, в мире «всё проходит», однако применительно к студенчеству этот период — обучение в вузе — длится, как правило, от 4 до 6 лет. С получением диплома студент попадает в другую социальную группу — прежде всего работающих людей. Таким образом, студенчество — это пространство и время транзита, в которое попадают, пребывают, а затем неизбежно покидают (исключение — «вечный студент», знакомый ещё по произведениям А. П. Чехова, — лишь подтверждает общее правило). При этом само российское общество транзита находится в переходном состоянии смены культурных парадигм развития. Положение студенчества как особой социально-демографической группы в данных условиях можно кратко представить, используя девиз капитана Немо: «Подвижный в подвижном». В результате репрезентативная культура современного российского студенчества во многом носит переходный, гибридный характер, поскольку включает в себя одновременно элементы моностилизма и полистилизма, традиционализма, индивидуализма и гедонизма. Данная ситуация коррелируется с образом «парадоксально-го человека», обрисованного Ж. Т. Тощенко (Тощенко, 2008), который фиксирует наличие в российском обществе в массовых масштабах индивидов, обладающих антиномичным, расколотым сознанием, продуцирующим противоречивые друг другу программы действия.

Стилевая дифференциация в учебной и досуговой сферах

Прогрессирующая стилевая дифференциация студенческой культуры проявляется прежде всего в сфере учёбы. Стилевое разнообразие в первом приближении может быть сведено к четырём основным типам: «профессионалы», «ритуалисты», «общественники», «конформисты». В качестве основного классификационного признака, оказывающего определяющее влияние на образ жизни, манеру поведения, способ интерпретации формальных и неформальных практик вузовской жизни и т. д., мы выделим самостоятельность/несамостоятельность в выборе профессии и вуза. «Профессионалы» осуществляют целенаправленный и рациональный выбор профессии/вуза, реализуя свои интенции в саморазвитии прежде всего в учебной и научной деятельности. «Ритуалисты» самостоятельно выбирают место своей будущей учёбы, но на их решение оказывают влияние факторы случайного характера. Они стараются вписаться в институциональные нормы поведения, но овладение высокими профессиональными компетенциями не является основной целью их пребывания в вузе. «Общественники» хотя и самостоятельно, но не целенаправленным образом реализуют своё право на получение высшего образования. Из этой среды «рекрутируются» активисты, для которых основная сфера их студенческой жизнедеятельности — это общественная, культмассовая и т. п. работа в самых разных формах. Для «конформистов» характерен несамосто-

ятельный выбор вуза, где они стараются приспособиться к существующим нормам, не проявляя никакой активности или личной заинтересованности в учебной, общественной или научной деятельности.

Отметим, что вузовское образование рассматривается большинством абитуриентов и студентов в качестве необходимого «соучастника» своего вступления во взрослую жизнь, причём в мотивационной сфере будущих учащихся вузов превалирует ориентация на постматериалистические ценности субсидиарного характера. Так, для респондентов из Ростовской области устойчиво лидирующим мотивом выбора профессии, специальности, вуза выступает «удовлетворение собственных интересов, развитие способностей» — 51,0% (2006 г.), 57% (2011 г.), 58,9% (2016 г.), в то время как за этот же период времени на 11,1% снизилось количество студентов, ориентирующихся на «высокооплачиваемую» профессию. Тенденция превалирования идеи самосовершенствования в мотивационной структуре студентов при выборе специальности подтверждается и в других регионах: 57,5% УрФУ (Екатеринбург), 61,2% КубГУ (Краснодар), 61,3% К(П)ФУ (Казань), 59,9% КалмГУ (Элиста), 58,1% АГУ (Майкоп).

Интересно отметить, что для студентов аграрных вузов мотив удовлетворения собственных интересов и личностный рост (в отличие от учащихся других вузов) не является главенствующим. Так, для обучающихся в крупнейшем в ЮФО Кубанском ГАУ (Краснодар) он оказывается на четвёртом месте (выбор 23,9% опрошенных), главной же причиной поступления выступает высокий спрос на профессию на рынке труда — 71,4%. Такого рода установка отражает специфику аграрного Кубанского края, перспективность поиска работы в сельском хозяйстве в условиях санкций и контранакций, престижность сельскохозяйственной профессии на Юге России (мотив «престижности» при поступлении назвали 57,2% респондентов этого вуза). Таким образом, ограниченность потребностей рынка труда ведёт к тому, что значительная часть учащейся молодёжи видит «оправдание» своей учёбы в вузе в идее самосовершенствования и накопления культурного капитала, хотя в действительности большая часть студентов в конце концов склоняется к гедонистическому стилю жизни.

Интересно, что среди тех, кто выбирал профессию, специальность прежде всего «для удовлетворения собственных интересов, развития способностей», происходит в дальнейшем в определённой степени переоценка взглядов: количество студентов, согласных с утверждением о том, что вуз должен давать прежде всего профессиональные знания, а мировоззрение, образ жизни, стиль поведения — дело сугубо индивидуальное, из года в год увеличивается (36,6% в 2006 г., 35,5% в 2011 г. и 41,8% в 2016 г.).

Данное обстоятельство коррелируется с будущей стратегией поведения: после окончания вуза наиболее предпочтительным для студентов является работа по специальности, причём этот жизненный выбор оказывается приоритетным для всё большего количества респондентов: в 2006 г. их было 25,2%, в 2011 г. — 36%, в 2016 г. — 39%. Желание работать по специальности подтверждается и тем, что

в поисках хорошей зарплаты готовы «изменить» своей профессии всё меньшее количество респондентов: 33,2% в 2006 г., 25% в 2011 г., 22,2% в 2016 г. Однако эти позитивные тенденции, связанные с пониманием студентами значимости получения профессиональных знаний, умений и компетенций в стенах вуза, явно противоречат реализуемому ими образу жизни. При выборе модели студенческой жизни, несмотря на то что ориентация на упорную учёбу и самоограничение ради успешного профессионального будущего возрастает (9,9% в 2006 г., 16,6% в 2011 г. и 20,1% в 2016 г.), подавляющее большинство респондентов предпочитает потребительскую, а не самоограничительную модель поведения (81,2% в 2006 г., 75% в 2011 г. и 67,2% в 2016 г.), считая, что студенческая жизнь — это прежде всего особая пора молодости, преимущества которой надо полноценно использовать без всяких самоограничений. В результате некоторую возможную невостребованность на рынке труда молодые люди предполагают компенсировать за счёт роста своего социокультурного капитала и самосовершенствования в стенах вуза, а в действительности выстраивают гедонистическую модель поведения, реализуя свои индивидуальные внутренние интенции вне стен высшего учебного заведения.

Общественный запрос современного инновационного общества на самостоятельную творческую личность интерпретируется будущими студентами в качестве основного мотива поступления в вуз (самосовершенствование, «достраивание» личности). Однако для большинства обучающихся молодых людей утверждение ценностей постматериалистического типа происходит и препрезентируется прежде всего в досуговой, а не в учебной сфере. Данное обстоятельство иллюстрируется количественным составом студенческих когорт, «исповедующих» четыре основных стиля жизнедеятельности в учебной сфере.

Наиболее адекватной формой тождества внутренних и внешних проявлений индивидуальных интенций является стиль жизни студента, которого условно можно назвать «профессиональным». Такой студент осуществляет целенаправленный самостоятельный выбор вуза и специальности, рассматривая последнюю как потребность в самореализации и самоутверждения именно в данной сфере профессиональной деятельности. Студенты данного типа академически активны, учатся только на «отлично» или на «хорошо» и «отлично», успешно занимаются научно-исследовательской работой, занятия пропускают лишь в исключительных случаях. При изучении любой учебной дисциплины они руководствуются принципом максимального освоения профессиональных знаний, навыков и умений, направленных на достижение конечной цели — стать профессионально компетентным работником. Они обладают достаточно высокой компьютерной грамотностью. К общественно-политической сфере жизни «профессионалы» равнодушны. «Профессионалы» составляют менее четверти контингента обучающихся, но с каждым годом их число несколько увеличивается.

Данный тип студентов происходит из семей с высоким уровнем образования, со средними или хорошими материальными возможностями, котируемым в нашем обществе социальным статусом родителей (одного из них). Примечательно,

что девушки проявляют большую самостоятельность в выборе вуза и будущей специальности, более требовательны и профессионально ориентированы на полезность изучаемых социально-гуманитарных дисциплин.

Более половины учащихся вузов можно отнести к «ритуалистам» и «общественникам». Первых отличает самостоятельность выбора вуза и специальности, но в основе своей — это не результат собственных мировоззренческих позиций и установок, а стечения определенных обстоятельств (престижность или близость вуза к месту проживания, высокооплачиваемая профессия, советы друзей или учителей и др.). «Ритуалисты» равнодушны к основной цели вуза — подготовке профессионально компетентных работников, но своим общением и действиями в учебном заведении продолжают соблюдать институциональные нормы. Представители этого типа рассматривают высшее учебное заведение как источник получения разносторонних и добротных знаний о жизни и окружающем мире, но избранная специальность их мало интересует — они берут от вуза все то, что считают нужным, необходимым и полезным для дальнейшей карьеры. В основном равнодушны к НИР, сторонятся общественной и политической деятельности. Студенты данного типа стараются учиться без троек, с дополнительной специальной литературой работают неохотно, по необходимости, активно пользуются интернетом.

Стиль жизни «общественников» — это стиль жизни студентов-активистов, которые выбирают вуз и специальность самостоятельно, но случайно («модный» вуз или профессия, нежелание отстать от друзей и т. д.). Отношение к учебе носит равнодушно-обязательный характер, основным критерием академической активности выступает вечно живущий студенческий принцип «не знать, а сдать». В большинстве своем учатся на «удовлетворительно», хотя нередко получают и «неуды», их цель — получение диплома при минимальных интеллектуальных затратах. Основная сфера их деятельности в вузе — общественные организации, художественная самодеятельность, спорт и т. д. Балльно-рейтинговая система провоцирует этих студентов на «добытие» баллов прежде всего с помощью проявления активности в высоко-балльных мероприятиях, и они очень зорко и ревниво следят за присвоением этих самых баллов. Студенты данного типа обладают высокой степенью общительности, своей внеучебной деятельностью добиваются признания в студенческой среде.

Наконец, четвертый стиль трудового, учебного поведения студентов — конформистский. Для студентов этого типа выбор вуза и специальности не является самостоятельным, это, скорее, выбор их родителей, ближайших родственников. Обучение в вузе для них представляет собой продолжение школьного образования, приспособление к нормативным требованиям вузовской жизни. Студентам данного типа все равно, где, как и на кого учиться, главное — держаться на плаву, не довести дело до исключения. Академическая активность носит равнодушно-необязательный характер, в основном отличается систематическими пропусками занятий, из сессии в сессию повторяющимися задолженностями. Они пассивны

и безучастны в общественной и научно-исследовательской работе. Пользуются интернетом в учебных целях — подготовить доклад, контрольную работу или курсовой проект.

Студенты, предпочтитающие стили жизни «ритуалистов», «общественников», «конформистов», в большинстве своем отличаются разочарованностью и неудовлетворенностью выбором вуза/специальности, отсутствием конкретных и реальных понятий о социальном статусе, связанном с выбором данной профессии, о достоинствах трудоустройства по этой специальности после окончания вуза. Именно эти моменты оказывают непреложное влияние на эффективность социализационно-воспитательного воздействия современного вуза на личность студента.

Исходя из понятия репрезентативной культуры, можно заключить, что моностилизм студенческой культуры остался в основном в прошлом, ибо он был характерен для советского периода, когда социалистическая идеология, моральные оценки, культурная картина мира, базирующаяся на матрице коммунистического коммунизма, неприятии индивидуализма и т. п., в основном активно или пассивно разделялась учащейся молодёжью, причём данные принципы обладали внутренним единством и поддерживались всей мощью государственной и партийно-комсомольской машины. Конечно, и в молодёжной среде возникали различные субкультурные группы со своими специфическими стилями поведения (стиляги, «хиппующие», «пофигисты», «ботаники» и т. д.), однако основные агенты социализации (СМИ, система высшего образования, политические институты, семья) проводили единую воспитательную и репрессивно-ограничительную политику, уменьшающую реальные возможности стилевого разнообразия студенческой культуры. При этом именно политический критерий являлся основным как в оценке художественных стилей в искусстве, образов повседневной жизни, так и в определении необходимого качества и направленности образования. Отметим, что одним из главных элементов парадигмы культурной политики в области образования как в Российской империи, так и в СССР было формирование индивида, полностью вписывающегося в моностилистическую культуру, отличающуюся упорядоченностью, иерархичностью, идеологичностью, нетерпимостью к «чуждым» элементам культуры.

Как это ни парадоксально звучит, но элементы моностилизма советской эпохи в значительной степени всё-таки продолжают жить в системе образования, в первую очередь благодаря усилению её бумажно-электронной регламентации и бюрократизации. Студенчество в вузовской корпоративной культуре по-прежнему является в основном пассивным элементом, неким сосудом, который следует наполнить соответствующими компетенциями. В результате, при всей своей тяге к постматериалистическим ценностям, стратегия поведения студентов в учебной группе мало изменилась: стремлению к свободе и индивидуальному планированию собственной жизни явно противоречит перенесение ответственности за организацию учебной и внеучебной жизни на кураторов и «штатных активистов»

из студенческой среды. Отсюда можно зафиксировать следующий парадокс — в культурной картине мира молодого поколения «сочетается несочетаемое»: субсидиарные, достижительные, индивидуалистические и традиционные, «дорыночные» стили поведения; стремление к самостоятельности и свободе неожиданно сочетается с принятием патерналистского отношения со стороны администрации и ППС вузов.

Внятной репрезентации современной студенческой культуры в процессах кристаллизации стилевой дифференциации во многом мешает неопределенность, «смутность», размытость индивидуального сознания молодых людей. Отсутствие чётких критериев понимания действительности порождает определённое параллаксное видение (Жижек, 2008), смещение в восприятии нормы/патологии, должного/недолжного, разрешённого/запрещённого, достойного/недостойного, человеческого/нечеловеческого, вернее, даёт возможность помещать их в одну плоскость дозволенной комплементарной реальности. Обозначенные полюса не опосредствуются ничем, они репрезентируются как равновозможные стили поведения. В этих условиях выстраивание осмысленного образа жизни и выбор стратегии поведения может носить случайный, ситуационный характер. Поэтому в ответах респондентов из Ростовской области наблюдается увеличение количества «затруднившихся ответить», причём на вопросы, имеющие важное смысложизненное значение; ответы на них репрезентируют отсутствие сознательно избираемого стиля и стратегии поведения молодых людей, призванных в будущем составить интеллектуальную, духовную и управленческую элиту российского общества. К примеру, в 2016 г. 18,8% студентов не знают, должен ли «вуз давать знания только по профессии, а мировоззрение, образ жизни — личное дело каждого»; 15,1% респондентов не могут «обнаружить» положительные черты своего поколения, а 9,2% — отрицательные (в 2011 г. таковых было 6%); не могут определиться, давать или не давать взятки, 19,4%, брать или не брать — 20%; уклоняться или не уклоняться от службы в армии — 25,9%; не могут выбрать приоритетную модель образа студенческой жизни — 12,7% (в 2006 г. таковых было 7,8%); затрудняются сказать, стали бы снова поступать в тот же вуз, где учатся в настоящее время, 11,9% респондентов (в 2006 г. их было 8,1%). Подобная «смутность сознания» характерна для «общества риска». Социум не даёт возможности многим молодым людям чётко определить параметры и направленность их будущей жизни и одновременно предоставляет сугубо внешние, формальные возможности для проявления их индивидуально-творческой «самости». Недаром в 2016 г. только 15,8% студентов твёрдо знали, где будут работать, зато 22,4% будущих выпускников видели себя в роли безработных. Количество же желающих после окончания вуза завести собственное дело, стать самому себе хозяином из года в год уменьшается. Ситуация усложняется тем, что «взросłość» в современном мире уже не может рассматриваться в качестве конечного пункта социализации, завершения «молодости». Целый ряд учёных считают, что в XXI веке природа взрослоти проблематична (Омельченко, 2005).

Как уже было показано, большинство студентов предпочитает в значительной степени гедонистический стиль поведения в противовес самоограничительному, направленному на профессиональное самосовершенствование. В результате внутренняя интенция «достраивания», улучшения своей личности реализуется у бывших абитуриентов посредством выбора в пространстве стилевого разнообразия гедонистического образа жизни, осуществляемого в основном в сфере досуга. Именно здесь субсидиарные ценности начинают явно довлеть над коммунарными.

Первое, на что стоит обратить внимание, — это на устойчивую тенденцию индивидуализации проведения досуга, в ущерб его общим и коллективным формам. Резко (по сравнению с социологическим опросом в Ростовской области десятилетней давности) — почти в четыре раза уменьшилось количество студентов, посещающих дискотеки, ночные клубы, другие коллективные развлекательные мероприятия (42,4% в 2006 г., 29% в 2011 г., 11,1% в 2016 г.). Зато доля индивидуализированных форм общения (встречи с друзьями) увеличилась более чем в три раза за тот же период времени (19,1% в 2006 г., 75% в 2011 г. и 59,7% в 2016 г.). Тенденция индивидуализации досуга подтверждается и повышением количества имеющихся хобби (почти в два раза). Здесь проглядывает наметившаяся эскейпистская тенденция, связанная с желанием «отгородиться» от общества и его проблем, тем более что только 3,3% студентов в настоящее время участвуют в политической жизни города. Посещение кафе, баров, ресторанов в связи с общим уменьшением доходов и возрастающей дороговизной жизни в 2016 г. сокращается (это позволили себе в 2016 г. 28,4% респондентов, тогда как в 2011 г. таковых было 40%). Приумножилось число студентов, занимающихся экстремальными и приключенческими видами спорта.

Таким образом, мы видим, что в досуговой сфере студенты предпочитают свободные, индивидуализированные формы общения и развлечений, что подтверждает наличие тенденции изменения стиля жизни учащихся вузов в направлении постматериалистических ценностей. Возникает парадоксальная ситуация, когда в условиях кризиса вместо направленности на объединение, увеличение сплочённости наблюдается рост индивидуалистических настроений. Но то, что является позитивным в благополучном стабильном обществе, может обернуться негативными последствиями в кризисное, нестабильное время. В культурном плане — это утрата общих нарративов, утрата социальной сплочённости.

Однако в настоящее время наблюдается и противоположный процесс, связанный с формированием так называемых солидарностей в культурных практиках российских молодых людей, принадлежащих к разным субкультурным и социальным группам. В ценностном поле культуры, возникают солидаристские коммуникации вокруг принятия/неприятия различных полярных альтернатив: национализм, ксенофобия/толерантность, авторитаризм/демократия, потребительство/аскетизм и т. д. (Омельченко, 2013).

Выводы

Итак, каковы итоговые размышления социолога культуры?

— В социуме, где основным механизмом развития культуры становится инновация, а не традиция, меняется онтологический статус культуры, выступающей в условиях перманентного кризиса (старое исчезает, но ещё не исчезло, новое возникает, но ещё не возникло) как активная преобразующая сила.

— Концепция презентативной культуры, возникшая в рамках неовеберианской традиции, рассматривая взаимодействие культуры и социума, исходя из неклассического принципа комплементарности, фиксирует «бесшовное» единение культурного и социального и даёт возможность адекватно исследовать нелинейные социализационные процессы, происходящие в студенческой среде. В обществе транзита возникают антагонистические, гибридные формы студенческой культуры, где интерпретация, ценностные оценки, осмысливание происходящих событий противоречивым образом репрезентируется в жизненных стилях и стратегиях поведения учащихся вузов.

— Студенчество демонстрирует отход от моностилизма презентативной культуры старшего поколения, увеличивается стилевая дифференциация. Однако декларируемая инновационным обществом повестка дня, утверждающая ориентацию на постматериалистические ценности свободы, индивидуального развития, творчества, изначально принимается молодыми людьми (что, например, отражается в мотивации выбора абитуриентами вуза и будущей специальности), но затем репрезентируется в гедонистическом стиле жизнедеятельности.

— Следует выделить, исходя из принципа степени самостоятельности выбора вуза/специальности, четыре жизненных стиля в учебно-трудовой деятельности студентов, характерных для «общественников», «профессионалов», «ритуалистов», «конформистов». Несмотря на то что наиболее ценными качествами своего поколения студенты считают приверженность постматериалистическим ценностям, реальное поведение большинства носит пассивный характер, проявляющийся в принятии студентами патерналистского отношения к себе со стороны администрации и профессорско-преподавательского состава вузов. Репрезентация постматериалистической культуры (свобода, индивидуализация) реализуется при этом в досуговой сфере.

Литература

Вебер М. (1990). «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 345–415.

Горшков М. К. (2016). Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 1) // Социологические исследования. № 12. С. 26–34.

Жижек С. (2008). Устройство разрыва: параллаксное видение / Пер. с англ. А. Смирнова, Г. Рогоняна, С. Кастальского, А. Олейникова. М.: Европа.

Зимина О. В. (2006). Телереклама как фактор формирования стиля жизни в современном российском обществе. Дисс. канд. соц. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. (2017). Современная социология молодёжи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия трансформирующаяся: Ежегодник. 2015. М.: Новый хронограф. С. 12–48.

Иванов Д. В. (2002). Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение.

Ильин В. И. (ред.). (2007). Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структурация повседневности общества потребления. СПб.: Интерсоцис.

Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во.

Ионин Л. Г. (2000). Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос.

Капелюшников Р. И. (2013). Поведенческая экономика и новый патернализм. Препринт WP3/2013/03. М.: ВШЭ.

Капустина Е. Г. (2014). Коммуникативные практики взаимодействия власти и молодёжи (социологический анализ) // Историческая и социально-образовательная мысль. № 3. С. 182–190.

Киселев Е. А. (2013). Основные подходы к исследованию стиля жизни в социологии // Вестник Пензенского государственного университета. № 1. С. 63–67.

Комаровский А. В. (2014). Неовеберианская культурсоциология Фридриха Тенбрука // Социология. № 1. С. 69–77.

Лурье Д. А. (2009). Проблемы виртуализации современного общества и их социологическое осмысление // Философия и общество. Вып. 4. С. 64–168.

Маруцак И. В. (2017). Эволюция модели экономического человека в теории человеческого капитала: от homo economicus до homo transactus // Креативная экономика. Т. 11. № 8. С. 839–846.

Масленцева Н. Ю. (2010). Социологические основания концепции стиля жизни // Вестник Челябинского государственного университета. № 31. С. 147–150.

Микешина Л. А. (2007). Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН.

Омельченко Е. Л. (2005). Идентичности и культурные практики российской молодёжи на грани XX–XXI вв. Автореф. дисс. докт. социол. наук (22.00.06). М.: Институт социологии РАН.

Омельченко Е. Л. (2013). Солидарности и культурные практики российской молодёжи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. № 10. С. 52–61.

Роццана Я. М. (2007). Социология потребления. М.: ВШЭ.

Смит В. Л. (2005). Конструктивистская и экологическая рациональность в экономической науке // Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков.

Т. 5. Кн. 2: Всемирное признание: лекции нобелевских лауреатов. М.: Мысль. С. 685–767.

Смолин О. Н. (2015). Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? // Социологические исследования. № 6. С. 91–101.

Тенбрук Ф. (2013). Репрезентативная культура // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 93–118.

Тищков В. А., Бараши Р. Э., Степанов В. В. (2017). Идентичность и жизненные стратегии студенчества // Социологические исследования. № 8. С. 81–87.

Тоффлер Э. (2002). Шок будущего / Пер. с англ. Е. Рудневой, Л. Бурмистровой, К. Бурмистрова, И. Москвиной-Тархановой, А. Микиша, А. Мирер, В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Хмелик, Е. Комаровой под ред. П. Гуревича. М.: АСТ.

Тоиценко Ж. Т. (2008). Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА.

Устюгова Е. Н. (2006). Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля. СПб.: СПбГУ.

Чупров В. И. (1994) Социальное развитие молодёжи: теоретические и прикладные проблемы М.: Социум.

Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R. (2002). Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. Cambridge: Cambridge University Press.

Chaney D. (1996). Lifestyles. L.: Routledge.

DiMaggio P. (1994). Social Stratification, Life-Style, and Social Cognition // Grusky D. (ed.). Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. Boulder: Westview Press. P. 458–465.

Giddens A. (1991). Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press.

Miles S. (2000). Youth Lifestyles in a Changing World. Buckingham: Open University Press.

Smith M. B. (1994). Selfhood at Risk: Postmodern Perils and the Perils of Postmodernism // American Psychologist. Vol. 49. № 5. P. 405–411.

Taylor Ch. (1992). Modernity and the Rise of the Public Sphere. URL: <http://www.mercaba.org/SANLUIS/Filosofia/autores/Contempor%C3%A1nea/Taylor,%20Charles/Modernity%20and%20the%20Rise%20of%20the%20Public%20Sphere.pdf> (дата доступа: 09.02.2018).

The Representative Culture of Modern Russian Students

Victor Filonenko

Doctor of Social Sciences, Professor, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Director of the Center for Socio-Political Research, Southern Federal University

Address: Dneprovsky per., 116, Rostov-on-Don, Russian Federation 344065

E-mail: vfilonenko@sfedu.ru

Liudmila Shtompel

Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Cultural Theory, Ethics and Aesthetics, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University
 Address: Dneprovsky per., 116, Rostov-on-Don, Russian Federation 344065
 E-mail: lastompel@sfedu.ru

Oleg Shtompel

Doctor of Philosophical Sciences, Professor at the Department of Cultural Theory, Ethics and Aesthetics, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University
 Address: Dneprovsky per., 116, Rostov-on-Don, Russian Federation 344065
 E-mail: omshtompel@sfedu.ru

The article touches upon the issues of several problems. Firstly, we attempt to determine the methodology of a sociological analysis of culture which is adequate for modern realities. Secondly, we will apply this methodological basis to the cultural specifics of modern Russian students in a transitive, transitional society. It is stressed that the formation of a global innovative society results in a permanent crisis with the destruction of the old sociocultural forms and the emergence of new ones, with the result that culture becomes not a "guardian of the foundations", but an active "fermenting" power of society. In these nonlinear processes, a special importance is acquired by subjective culture. Based on F. Tenbrook's ideas, an analysis of monostylistism and polystylistism of a student's representative culture is carried out. It is noted that these processes of representation are contradictory and hybrid. Highly-valued by student youth, the values of independence, individuality, and freedom of the post-materialistic plan are represented primarily in the sphere of leisure and free-time activities. The presented typology of students' lifestyles in the field of educational activity ("professionals", "ritualists", "public men", and "conformists") fixes a predominantly adaptive strategy of behavior based on the adoption of a paternalistic attitude on the part of the administration and the teaching staff of universities. The article is based on the materials of the authors' interregional sociological research, conducted in the Southern Federal District in 2006, 2011, and 2016.

Keywords: student, representational culture, monostylistism and polystylistism, typology of lifestyles

References

Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R. (2002) *Cross-cultural Psychology: Research and Applications*, New York: Cambridge University Press.

Chaney D. (1996) *Lifestyles*, London: Routledge.

Chuprov V. (1994) *Socialnoe razvitiye molodyyozhi: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Social Development of Youth: Theoretical and Applied Problems], Moscow: Socium.

DiMaggio P. (1994) Social Stratification, Life-Style, and Social Cognition. *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective* (ed. D. Grusky), Boulder: Westview Press, pp. 458–465

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford: Stanford University Press.

Gorshkov M. (2016) Rossijskij socium v usloviyah krizisnogo razvitiya: kontekstnyj podhod (stat'ya 1) [Russian Society under the Conditions of Crisis Development: A Contextual Approach (article 1)]. *Sociological Studies*, no 12, pp. 26–34.

Illin V. (ed.) (2007) *Byt i bytie molodezhi rossijskogo megapolisa: socialnaya strukturaciya povsednevnosti obshchestva potrebleniya* [Life and Being of Russian Metropolis' Youth: Social Structure of the Everyday Life in Consumption Society], Saint Petersburg: Intersocis.

Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizacija kulturnye izmenenija i demokratija posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence], Moscow: Novoe izdatelstvo.

Ionin L. (2000) *Sociologiya kultury: put v novoe tysyacheletie* [Sociology of Culture: A Way into the New Millennium], Moscow: Logos.

Ivanov D. (2002) *Virtualizaciya obshchestva* [Virtualization of Society], Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

Kapelyushnikov R. (2013) *Povedencheskaya ekonomika i novyj paternalizm* [Behavioral Economics and New Paternalism] (Preprint WP3/2013/03), Moscow: HSE.

Kapustina E. (2014) *Kommunikativnye praktiki vzaimodejstviya vlasti i molodezhi (sociologicheskij analiz)* [Communicative Practices of Interaction between Government and Youth (Sociological Analysis)]. *Historical and Social-Educational Thought*, no 3, pp. 182–190.

Kiselev E. (2013) *Osnovnye podhody k issledovaniju stilya zhizni v sociologii* [Basic Approaches to the Study of Life Style in Sociology]. *Bulletin of Penza State University*, no 1, pp. 63–67.

Komarovskiy A. (2014) *Neoveberianskaya kultursociologiya Friedricha Tenbrucka* [Neoweberian Cultural Sociology by Friedrich Tenbruck]. *Sociology*, no 1, pp. 69–77.

Lurie D. (2009) *Problemy virtualizacii sovremennoj obshchestva i ik sociologicheskoe osmyslenie* [Problems of Virtualization of Modern Society and Their Sociological Understanding]. *Philosophy and Society*, no 4, pp. 64–168.

Marushchak I. (2017) *Evoljuciya modeli ekonomicheskogo cheloveka v teorii chelovecheskogo kapitala: ot homoeconomicus do homotransactus* [Evolution of the Model of Economic Man in the Theory of Human Capital: From Homoeconomicus to Homotransactus]. *Journal of Creative Economy*, vol. 11, no 8, pp. 839–846.

Maslentseva N. (2010) *Sociologicheskie osnovaniya koncepcii stilya zhizni* [Sociological Foundations of the Concept of Life Style]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no 31, pp. 147–150.

Mikeshina L. (2007) *Ehpiestemologiya cennostej* [Epistemology of Values], Moscow: ROSSPEN.

Miles S. (2000) *Youth Lifestyles in a Changing World*, Buckingham: Open University Press.

Omelchenko E. (2005) *Identichnosti i kulturnye praktiki irossijskoj molodezhi na grani XX-XXI vv.* [Identity and Cultural Practices of Russian Youth on the Brink of the 20th–21st Centuries] (PhD Thesis), Moscow.

Omelchenko E. (2013) *Solidarnosti i kulturnye praktiki rossijskoj molodyozhi nachala XXI veka: teoretycheskij kontekst* [Solidarity and Cultural Practices of the Russian Youth of the Early 21st Century: The Theoretical Context]. *Sociological Studies*, no 10, pp. 52–61.

Roshchina Y. (2007) *Sociologiya potrebleniya* [Sociology of Consumption], Moscow: HSE.

Smit V. L. (2005) *Konstruktivistskaya i ekologicheskaya racional'nost' v ekonomicheskoy naуke* [Constructivist and Ecological Rationality in Economic Science]. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl': skvoz' prizmu vekov. T. 5. Kn. 2: Vsemirnoe priznanie: lekcii nobelevskih laureatov* [World Economic Thought: Through the Prism of the Ages, Vol. 5, Book 2: World Recognition: Lectures of Nobel Laureates], Moscow: Mysl, pp. 685–767.

Smith M. B. (1994) *Selfhood at Risk: Postmodern Perils and the Perils of Postmodernism*. *American Psychologist*, vol. 49, no 5, pp. 405–411.

Smolin O. (2015) *Vysshee obrazovanie: borba za kachestvo ili pokushenie na chelovecheski jpotencial?* [Higher Education: The Fight for Quality or an Attempt upon the Human Potential?]. *Sociological Studies*, no 6, pp. 91–101.

Taylor Ch. (1992) *Modernity and the Rise of the Public Sphere*. Available at: <http://www.mercaba.org/SANLUIS/Filosofia/autores/Contempor%C3%A1nea/Taylor,%20Charles/Modernity%20and%20the%20Rise%20of%20the%20Public%20Sphere.pdf> (accessed 8 February 2018).

Tenbruck F. (2013) *Reprezentativnaya kul'tura* [Representational Culture]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 3, pp. 93–118.

Tishkov V., Barash R., Stepanov V. (2017) *Identichnost i zhiznennye strategii studenchestva* [Identity and Life Strategies of the Students]. *Sociological Studies*, no 8, pp. 81–87.

Toffler E. (2002) *Shok bushchego* [Shock of the Future], Moscow: AST.

Toshchenko Z. (2008) *Paradoksalnyj chelovek* [Paradoxical Person], Moscow: YUNITI-DANA.

Ustyugova E. (2006) *Stili i kultura: opyt postroeniya obshchej teorii stilya* [Style and Culture: An Essay on the General Theory of Style], Saint Petersburg: SPSU.

Weber M. (1990) "Obiektivnost' social'no-nauchnogo i social'no-politicheskogo poznaniya" ["Objectivity" of Social-Scientific and Social-Political Cognition]. *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*, Moscow: Progress, pp. 345–415.

Žižek S. (2008) *Ustrojstvo razryva: parallaksnoe videnie* [Break Device: Parallax Vision], Moscow: Evropa.

Zimina O. (2006) *Telereklama kak faktor formirovaniya stilya zhizni v sovremenном rossijskom obshchestve* [TV Advertising as a Factor in the Formation of a Lifestyle in Modern Russian Society] (PhD Thesis), Stavropol: Stavropol State University.

Zubok Y., Chuprov V. (2017) Sovremennaya sociologiya molodyyozhi: izmenyayushchayasya realnost i novye teoreticheskie podhody [Contemporary Sociology of Youth: Changing Reality and New Theoretical Approaches]. *Rossiya transformiruyushchayasya: Ezhegodnik. 2015* [Russia is Transforming: Yearbook, 2015], Moscow: Novy khronograph, pp. 12–48.